

средства, даже если для достижения минимального эффекта необходимо вложение максимальных ресурсов, потому что речь идет о здоровье и жизни ребенка, подростка. Борьба всегда труднее, а бороться и побеждать – вдвойне. Пусть Вашей работой руководят слова: «Если Вы спасете от наркобездны хотя бы одного ребенка или подростка, я помолюсь за Вас...».

Реутов Е.В., кандидат социологических наук, доцент
кафедры социальных технологий БелГУ
(Грант РГНФ № 06-03-55310а/ц)

Политическая мобилизация молодежи как технология минимизации социального аутсайдерства

Непрерывность социальных, политических, экономических и социокультурных трансформаций становится отличительным признаком современного общества. Высокая скорость происходящих изменений и кризисы, с которыми они сопряжены, порождают риск индивидуальной и групповой социальной дезадаптации. Массы людей становятся аутсайдерами. Особенно этот риск возрастает в обществах, переживающих процесс модернизации.

Причем, явление аутсайдерства усугубляется эффектами размывания классовой структуры общества и утраты классовой идентичности. Частично классовая идентичность замещается иным формами – этнической, расовой и др. Но в значительной степени это приводит к индивидуализации неравенства. В атомизированном обществе социальная эксклюзия уже не компенсируется механизмами внутригрупповой солидарности. Каждый остается наедине со своими проблемами.

Наряду с неопределенностью трендов социальных изменений, зону риска социального аутсайдерства в российском обществе формирует высокая степень его социальной поляризации, которую характеризует не просто значительный разрыв в доходах отдельных социальных групп. В социальной структуре российского общества формируются корпоративные анклав, проникновение в которые из «внешнего мира» становится фактически невозможным.

Специфическое положение молодежи в обществе, сравнительно небольшой объем ее социального капитала повышают степень риска социального аутсайдерства и депривации.

Молодежь является одной из социальных групп, испытывающих наибольшее напряжение на рынке труда. Значительное количество выпускников учебных заведений не находят работы, еще более значительное их число работают не по специальности. В то же время коммерциализация сферы образования делает образовательные ресурсы труднодоступными для значительной части молодых людей. Между тем, институт образования является одним из базовых каналов интеграции молодежи в общество. Жертвой реформы

образования стали прежде всего молодые люди из территориально отдаленных от образовательных учреждений поселений и молодежь из семей с низким социоэкономическим статусом. В целом, подавляющая часть российской молодежи оказалась в проигрыше от проводимых в стране реформ¹⁴⁶.

Несоответствие образовательных, профессиональных и социоэкономических притязаний реальной жизненной ситуации вызывает разочарование, которое часто выражается в агрессивном поведении. Эта агрессия направлена, во-первых, на социальные институты и группы, являющиеся действительными или мнимыми «виновниками» социального аутсайдерства. Во-вторых, как способ снятия социальной напряженности она носит и спонтанный характер и направлена в таком случае на всех, кто в социальном отношении маркирован иначе. Раса, этничность, район проживания, принадлежность к другому клубу болельщиков становятся линией разделения социального мира на «своих» и «чужих». Аутсайдер не считает себя связанным нормами социума, который его отторг, и часто мстит ему: «не сумев реализовать себя в обществе, молодежь становится перед альтернативой: оказаться на обочине жизни или пойти по пути нарушения правовых и нравственных норм»¹⁴⁷.

С другой стороны, результатом эксклюзии становится социальный эскапизм и выключение из макросоциальных сетей. Нередко «уход» из социальности сопровождается практиками личного саморазрушения – употреблением психоактивных веществ или растворением в коллективизме тоталитарных организаций. На макросоциальном уровне эскапизм проявляется в распространении форм поведения, которые принято относить к девиантным, – наркотизма, алкоголизации и т.д., а также в усилении инфантилизма и нежелания нести какую-либо ответственность.

Действие фактора социального аутсайдерства проявляется и в сфере политической культуры. В целом, для политической культуры российской молодежи характерны: разрыв между нормативно-ценностным и поведенческим уровнями, низкий уровень реальной гражданской активности, слабый интерес к политике и дистанцирование от нее, доминирование инструментальных ценностей, низкий уровень доверия к большинству политических институтов, легитимация насилия. Так, по данным ряда опросов, декларируемый интерес молодежи к политике несколько ниже, чем у других возрастных групп¹⁴⁸. На нормативном уровне (данные опроса 2005 г., проведенного социологической

---

¹⁴⁶ См.: Молодежь и выборы // Режим доступа к изд.: http://www.cikrf.ru/rcoit/inf_zap/vuv_rek.htm. - Систем. требования: IBM PC; Internet Explorer.

¹⁴⁷ Зубок Ю.А. Проблемы социального развития молодежи в условиях риска // Социологические исследования. – 2003. - №4. – С.44.

¹⁴⁸ См.: Интерес к политике: мониторинг // Режим доступа к изд.: http://bd.fom.ru/report/map/projects/dominant/dom0625/domt0625_1/tb062507. - Систем. требования: IBM PC; Internet Explorer.

службой «Циркон») молодежь демонстрирует высокую значимость таких ценностей, как Россия, Родина, Порядок, Безопасность, Стабильность, Справедливость, Сильное государство, Традиция, Законность, Патриотизм, Президент (положительно реагируют на них 70-80%)¹⁴⁹. На поведенческом же уровне социально-политическая, в том числе электоральная, активность значительно ниже, чем у старших когорт. Допускают для себя возможность стать членом какой-либо партии или молодежной организации от 9 до 15%¹⁵⁰. Но при этом треть респондентов стремится работать в органах государственной власти¹⁵¹.

С другой стороны, там, где эта активность имеет место, она все чаще приобретает достаточно агрессивные формы. Исследования политического участия молодежи фиксируют два полярных процесса – снижения уровня политической активности при одновременном росте готовности к использованию насилия для достижения своих целей. В 1989 г. даже среди неформалов (наиболее активная часть молодежи) доля респондентов, считающих вполне допустимым использование насилия, составляла всего 11%. В революционном 1991 году таких респондентов в среде молодежи насчитывалось 5%. В 2002 году уже 12% молодых людей для защиты своих прав были готовы участвовать в акциях с использованием противозаконных средств, включая насилие¹⁵².

Данные характеристики не обладают какой-то резкой специфичностью и по большому счету применимы к политической культуре всего общества, однако у молодежи они выражены более отчетливо.

В свете данных характеристик молодежной политической культуры значимый интерес представляет выявление последствий актуализации политического ресурса молодежи (или технологии политической мобилизации), которая прослеживается в политическом процессе России по крайней мере с начала 2000-х гг.

К наиболее распространенным (и эмпирически фиксируемым) формам политической мобилизации относятся: привлечение молодежи в политические партии (или молодежные организации при партиях), инициирование создания молодежных организаций, электоральная мобилизация, рекрутирование во

---

¹⁴⁹ См.: Задорин И. Лишние люди? // Независимая газета. – 2006. – 21 марта.

¹⁵⁰ См.: Молодежь и политика // Режим доступа к изд.: <http://bd.fom.ru/report/map/projects/dominant/dominant2004/dom0403/pril0403/tb040308>. - Систем. требования: IBM PC; Internet Explorer.

Задорин И. Лишние люди? // Независимая газета. – 2006. – 21 марта.

¹⁵¹ См.: Задорин И. Лишние люди? // Независимая газета. – 2006. – 21 марта.

¹⁵² См.: Молодежь и выборы // Режим доступа к изд.: http://www.cikrf.ru/rcoit/inf_zap/vved.htm. - Систем. требования: IBM PC; Internet Explorer.

властные структуры, мобилизация участия в разовых акциях (поддержки или протеста).

Наиболее значимыми факторами задействия технологии политической мобилизации молодежи стали: дискредитация ряда политических институтов (прежде всего политических партий) и необходимость «притока свежей крови», а усиление молодежного фактора в политическом процессе на постсоветском пространстве, а также в Европе. «Цветные» революции 2000-2005 гг. от Сербии до Украины и Киргизии продемонстрировали как высокую способность молодежи к самоорганизации, так и готовность поддаваться манипулятивным практикам. В ходе акций протеста против договора о первом найме в марте-апреле 2006 г. на улицы французских городов одновременно выходили до 2 млн. протестующих, большая часть из которых были молодыми людьми. В сентябре 2006 года в Венгрии значительную часть протестующих также составляли молодые люди.

Мобилизация молодежи партийными структурами активизировалась в России в начале 2000-х гг., когда властью был взят курс на усиление партийного компонента в системе власти и одновременно ужесточены требования к структуре и деятельности политических партий. Первое выражалось в усилении партийности представительных органов на федеральном и региональном уровнях. Второе – в увеличении нормативной численности участников политических партий для их официальной регистрации. В этих условиях рекрутирование новых членов стало для многих партий вопросом выживания. Естественно, молодые люди представляли собой основной ресурс для количественного роста партий.

Катализирующее воздействие на молодежное партстроительство в России оказал «кризис монетизации» зимой 2004-2005 гг., инициировавший массовые протестные акции, значительную роль в организации которых сыграли именно партийные «молодежки» (в частности, Молодежное «Яблоко», Союз Коммунистической молодежи и «Союз молодежи за Родину»). Для контр-акций власть также задействовала молодежный ресурс в виде «Идущих вместе». На фоне массового протеста как средство канализации молодежной активности в апреле 2005 года властью также было инициировано общественно-политическое молодежное движение «Наши». Борьба партий за молодежный ресурс нашла выражение в инициативе «Единой России», выдвинутой весной 2006 г., о 20%-ной молодежной квоте в партийных списках кандидатов на депутатские должности.

В целом, политическая мобилизация молодежи как социальная технология имеет несколько уровней функциональности. На макросоциальном уровне политическая мобилизация формирует активное отношение молодежи к актуальным проблемам, способствует политической социализации молодежи, трансляции значимых ценностей и сохранению преемственности в развитии

общества. Политическая деятельность выполняет роль лифта социальной мобильности, канализирует повышенную активность и в ряде случаев сублимирует агрессию. Политическая мобилизация создает условия для усиления представительства интересов молодежи в политических решениях. На уровне политической системы политическая мобилизация выполняет селективную функцию, способствует выдвижению лидеров и формирует кадровый резерв власти. На уровне акторов политического процесса политическая мобилизация способствует увеличению объема ресурсов, необходимых для борьбы за власть. В то же время в ряде случаев технология политической мобилизации молодежи может иметь дисфункциональные последствия как для самой молодежи, так для политической системы и общества в целом. Технология политической мобилизации может иметь различную степень эффективности в зависимости от действующих в конкретных условиях ограничений.

Так, среди основных ограничений политической мобилизации молодежи в России в настоящих условиях находятся факторы ценностного и институционального характера. Актуализации молодежного ресурса политическими акторами как в протестных, так и в легитимистских целях препятствуют низкая легитимность партийных институтов и устойчивое дистанцирование молодых людей как от политики в целом, так и от целей конкретных партий и молодежных организаций. По данным исследования «Молодежь и выборы» 2002 г., полное доверие к партиям испытывали 2% и частичное – 28% респондентов¹⁵³. В ходе опроса, проведенного в сентябре 2005 г. Левада-Центром, 37% молодых людей не смогли назвать известные им политические молодежные организации, и лишь 17% заявили, что разделяют цели какой-либо конкретной организации (от скинхедов до «Идущих вместе»)¹⁵⁴. Даже на волне протестных акций в апреле 2005 г. доля желающих вступить в какую-либо политическую организацию среди молодежи составила 9%¹⁵⁵. Исследование политической культуры молодежи, проведенное в октябре-декабре 2005 г. в Архангельской области, показало, что лишь 7% молодых людей считают, что власть оказывает помощь и занимается реальным решением проблем населения. Большинство респондентов (47%) придерживаются мнения о том, что власть начинает активно решать проблемы населения только во время проведения избирательных кампаний. 37% полагают, что властные структуры

---

¹⁵³ См.: Молодежь и выборы // Режим доступа к изд.: http://www.cikrf.ru/rcoit/inf_zap/vved.htm. - Систем. требования: IBM PC; Internet Explorer.

¹⁵⁴ См.: Политические молодежные организации // Режим доступа к изд.: <http://www.levada.ru/press/2005090502.html>. - Систем. требования: IBM PC; Internet Explorer.

¹⁵⁵ См.: Молодежь в политике // Режим доступа к изд.: http://bd.fom.ru/report/map/projects/dominant/dom0615/dom0615_6/d051528. - Систем. требования: IBM PC; Internet Explorer.

не занимаются реальным решением проблем, а лишь создают видимость выполнения своих функций. И всего 7% оценивает эффективно работу общественных организаций и политических партий¹⁵⁶.

Массовая политическая мобилизация молодежи в партийные и квазипартийные структуры в условиях соответствующих ценностных ограничений вряд ли возможна. Тем более что сами партии являются переменными величинами политического процесса по сравнению с константой президентской и исполнительной власти. Однако доминирование государственных ценностей в структуре политического сознания молодежи в сочетании со значимыми карьерными мотивациями создают возможность для рекрутирования молодых людей на государственную службу. В ходе исследования «Взаимодействие региональной власти и населения», проведенного автором в январе-феврале 2006 г. по региональной выборке (N=600), 26.9% молодых респондентов выразили нормативную готовность участвовать в органах исполнительной и законодательной власти и нести ответственность перед избирателями (в целом по выборке 18,3%). Почти еще столько же (26,1%) высказали возможность такого участия (ответ «Наверное, да»).

Появление дополнительного канала социальной мобильности вследствие массового клонирования на федеральном и региональном уровнях молодежных организаций, формирования поселенческого уровня местного самоуправления дает шанс значительной части молодых людей к повышению своего политического статуса. Особое значение это имеет для провинциальной молодежи. У молодых функционеров политических партий и молодежных организаций появляется шанс позиционировать себя во «взрослой» политической среде. Другое дело, что этот шанс необходимо реализовать в краткосрочной временной перспективе, так как активизация молодежной политики имеет ситуативный характер и во многом определяется фазами электоральных циклов. Так, центральные молодежные проекты власти в 2000-е гг. сменялись почти с калейдоскопической скоростью: «Идущие вместе» - «Наши» - «Молодая гвардия». Инициированные региональным начальством молодежные организации также полностью зависят от прочности позиций своих патронов. Сразу после ареста волгоградского мэра Е. Ищенко созданная им в 2005 г. молодежная организация «Новые люди» стала терять участников, которые ушли в другие движения¹⁵⁷.

---

¹⁵⁶ См.: Почему молодежь Архангельской области политически неактивна // Режим доступа к изд.: <http://www.789.ru/portal/modules.php?name=News&file=article&sid=4485>. - Систем. требования: IBM PC; Internet Explorer.

¹⁵⁷ См.: Серенко А. Новые люди не пережили ареста кормильца // Независимая газета. – 2006. – 16 августа.

Использование политическими акторами технологии политической мобилизации молодежи с целью получения краткосрочных эффектов для тех, кого используют в качестве ресурса, имеет следствием фрустрацию, рост недоверия к политическим институтам и, как следствие, недифференцированный протест, сопряженный с насилием. В дальнейшем молодые люди, получившие примитивные навыки политического действия и столь же примитивные идеологические принципы, и в то же время не имеющие возможности реализации своих амбиций в иных сферах, становятся социальной базой экстремистских организаций. Негативные последствия вовлечения молодежи в орбиту подобных групп и идеологий состоят не только в принятии и рутинизации насилия как наиболее эффективного или даже единственного способа достижений политических целей. Происходит замещение реальных причин существующих социальных проблем на фиктивные. Многогранная социальная реальность описывается в категориях простых решений (типа этнических чисток), реализация которых может лишь усугубить проблему. Эскалация кризиса российско-грузинских отношений в сентябре-октябре 2006 г., помимо межгосударственного противостояния, активизировала и деятельность «несистемников» - в Москве был убит грузинский спортсмен Г. Квичиани. По предварительным данным, причиной убийства была межнациональная ненависть и обострение российско-грузинских отношений¹⁵⁸.

Исследования функций электорального участия молодежи выявили, что выборы являются механизмом, снижающим уровень социальной агрессии. Неучастие в голосовании, напротив, способствует росту социальной напряженности, которая выливается в конфликты и акты вандализма. Причем электоральное участие молодежи в целом поддается регулированию. В тех регионах, где проводится электоральное воспитание молодежи, фиксируется и более высокая электоральная активность¹⁵⁹.

Однако активизация электорального участия молодежи входит в определенное противоречие с сужением поля выборов, которое наблюдается в настоящее время в России. Если в 1990-х – начале 2000-х гг. общественная активность и общественный протест частично канализировались посредством голосования, то в 2004-2006 гг., особенно на региональном и местном уровне, электоральные возможности населения стали значительно меньше. Это выразилось в отмене всеобщих выборов глав регионов и значительной части муниципалитетов, отмене позиции «Против всех» на федеральных и части региональных выборах.

---

¹⁵⁸ См.: В Москве скинхеды убили грузинского спортсмена // Режим доступа к изд.: <http://news.ng.ru/2006/10/04/1159965657.html>. - Систем. требования: IBM PC; Internet Explorer.

¹⁵⁹ См.: Молодежь и выборы // Режим доступа к изд.: http://www.cikrf.ru/rcoit/inf_zap/vved.htm. - Систем. требования: IBM PC; Internet Explorer.

Таким образом, политическая мобилизация молодежи в России представляет собой процесс, объективно необходимый в целях формирования гражданской политической культуры и повышения степени представленности интересов молодежи в политических решениях. Однако в условиях нестабильности и формальности партийной системы, делегитимации ряда политических институтов и волнового характера молодежной политики следствием политической мобилизации может быть комплекс дисфункций, в частности, усиление полярных кластеров политической культуры - апатии и экстремизма.

Холод А.В., кандидат социологических наук, доцент
кафедры социальных технологий БелГУ
(Грант РГНФ № 04-03-550006а/11)

Исследование управленческой культуры в организациях государственного и муниципального управления региона

Современная российская управленческая культура сейчас переживает процесс становления, связанный с изменением общественных отношений и возможностью активного общения с другими культурами. В связи с этим актуализируется и приобретает принципиально важное общественное значение проблема изучения "феномена" управленческой культуры, выявления и анализа ее структурных элементов в современных российских условиях, разработки методики анализа управленческой культуры, в частности, в организациях государственного и муниципального управления.

Значение управленческой культуры для органов государственной и муниципальной власти определяется, прежде всего, тем, что управленческая культура – это скорее качественная сторона управленческой деятельности. Социальное пространство России требует решения множества первоочередных задач, среди которых – повышение эффективности управления и качества труда государственных и муниципальных служащих – является одной из основных. Как известно, рациональность и эффективность управления во многом определяется состоянием управленческой культуры.

Само понятие «управленческая культура» в том смысле, в котором оно сейчас употребляется, совсем недавно появилось в терминологическом лексиконе российских менеджеров. Этим и объясняется существование разнообразных подходов как к самому понятию «управленческая культура», так и к определению ее составляющих элементов. Используя то общее, что присуще многим определениям, можно понимать управленческую культуру следующим образом.